

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Необычайной красоты кольцо с огромным изумрудом уже много столетий несет в себе проклятие. Его носили и гении, и жертвы, и палачи. Но у всех у них была одна судьба, ведь противостоять разрушительной силе перстня, принадлежавшего, по легенде, библейскому Каину, способны немногие...

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Магическое кольцо Каина

Артефакт & Детектив

Ольга Тарасевич

Магическое кольцо Каина

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тарасевич О. И.

Магическое кольцо Каина / О. И. Тарасевич — «Эксмо»,
2014 — (Артефакт & Детектив)

Связанных печатью Каина всегда двое – палач и жертва: Каин и Авель, Моцарт и Сальери, Пушкин и Дантес. Все это – реинкарнация одних и тех же душ, отчаянно пытающихся смирить гордыню и зависть... Их эмоции оказались заточены в древнем кольце с изумрудом с тысячелетней проклятой историей... Судмедэксперт Наталия Писаренко неожиданно узнает: цепочка воплощений продолжается и в наши дни. Джонни Грин, молодой американский миллиардер, разработавший самые стильные мобильные телефоны и компьютеры, удивил и изменил весь мир. Вот он, современный Авель, осененный милостью Божьей. Но Грин зверски зарезан, и его вдова обещает Наталии миллион долларов, если она вычислит убийцу. Писаренко выясняет: Джонни убит из-за изумруда. Ради этого камня, начиная с Каина и Авеля, веками льется кровь. Самое страшное – это то, что Наталия остается один на один с мощной магической силой древнего кольца, которая сметает все на пути судьбы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тарасевич О. И., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Тарасевич

Магическое кольцо Каина

© Тарасевич О. И., 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Пролог

За 5 лет до описываемых современных событий

Ты похож на Иисуса Христа, Джонни Грин. У тебя карие глаза, каштановые волосы до плеч и такая улыбка, как будто бы ты готов обнять целый мир. Вот только меня обнимать не надо, сукин ты сын и мерзкий ублюдок. Я тебя ненавижу. В принципе в моей жизни сейчас осталось только одно – ненависть к тебе.

Мистеру Грину, впрочем, от этой ненависти не холодно и не горячо. Я прав? Конечно, прав; где ты и где я?! Кто ты и кто я?! Ты плевать хотел на таких мелких сошек вроде меня, они просто находятся за пределами твоей вселенной. Прибыли твоей компании исчисляются миллионами. Твоя улыбка не сходит с обложек глянцевого журнала. Тебя хотят все женщины мира, и ты – кумир всех подростков. На твоих комфортных, разбросанных по самым лакомым кусочкам мира виллах есть все условия для персонального рая. Ты, правда, раю предпочитаешь офис. Поэтому сегодня каждый владеет ноутбуком, планшетом или мобильником с зелененьким листочком – логотипом твоей компании. А если не владеет – продукция твоей конторы не из дешевых, но она того стоит, – то страстно жаждет владеть и копит бабки для того, чтобы зайти в грин-шоп и купить заветный девайс.

Ты действительно гений. Не признавать это глупо. Весь мир у тебя в кармане – и ты изменил этот мир, ты сделал его таким, какой он есть.

И все-таки я не могу согласиться, что твой успех – заслуженный. Ты, наверное, даже не подозреваешь, насколько тебе повезло, – ты родился в Штатах. Это вроде бы такая мелочь, которая на самом деле определила все.

Ты мог просто позволить себе паять свой первый ноут. Тебя не посылали подыхать в Чечню, ты не лечил простреленную ногу, ты не подсаживался на серьезную наркотику, потому что иначе перенести боль было невозможно (твоя марихуана, невинный наркотический петтинг, разумеется, не в счет).

Ты просто тупо родился в Штатах. Поэтому теперь где ты и где я?..

Но если ты думаешь, что на веки вечные обосновался в своем сияющем небоскребе и будешь там разрабатывать новые модели классных ноутбуков, – ты заблуждаешься.

Когда я совершенно отчетливо понял, что не смогу догнать тебя, – я решил тебя остановить. У меня нет другого выхода. Я могу только уничтожить тебя. Это единственный способ освободиться от сжигающей меня ненависти...

Глава 1

*Около 4200 лет до н. э, возможно,
Эйденская долина, Каин*

Жизнь Каина трудна и безрадостна. Он просыпается рано утром и до позднего вечера работает, не разгибая спины. Забот хватает: то надо полить пшеницу и кукурузу, то подвязать или обрезать виноград. А ведь есть еще и сад, и довольно большой участок прямо за домом, засаженный овощами.

Каину кажется, что брат его, Авель, устроился в плане работы куда лучше. Он пасет овец. Выгоняет утром отару на луг – да и дремлет себе в тени смоковницы. «Каин, ты старший сын. Негоже тебе думать о том, как отобрать работу младшего», – разозлился отец, когда Каин предложил ему перераспределить обязанности. Мать промолчала, но при этом посмотрела на Авеля с такой нежностью и обожанием, что у Каина защемило сердце. На Каина Ева никогда так не смотрела. Авель, как всегда, улыбнулся в своей идиотской манере: «Каин, но мне совсем не сложно будет помочь тебе набрать воды для полива или выполоть сорняки». Скрипнув зубами, он отказался от его помощи. Брат всегда невероятно раздражал Каина. Он действительно хотел получить более легкую работу. Но трудиться с братом бок о бок и лишний раз видеть его кроткую улыбающуюся физиономию – уж увольте.

Вечерами после ужина семья собирается вместе. Мать и сестры шьют, отец обжигает в печи глиняные кувшины. Каин с Авелем мастерят или чинят то скамьи, то полки, то какие-то другие вещи, нужные для хозяйства.

Разговоры всегда одни и те же, и они Каина раздражают.

– Да, Ева, если бы ты не предложила вкусить мне яблоко с древа познания – наша жизнь могла бы быть совершенно иной. Помнишь ли ты, как чудесно мы жили в Эдемском саду? Там всегда было тепло и всего было вдоволь – и еды, и питья. Нам с детьми в тех условиях жилось бы намного легче.

Мать пожимает плечами:

– Но в том саду не было бы детей наших. И мы не стали бы близки.

– И это продолжалось бы вечность?

– Адам, я не знаю, – в голосе матери слышна растерянность. – Я сожалею о том, что ела от того яблока и тебе дала есть. Змей вроде бы говорил все правильно и верно – что смогу я сама стать, как Бог, что смогу различать добро и зло. До того, как появился Змей, я томилась от скуки. После же того, как он предложил мне, ты спал, и посоветоваться мне было не с кем. А потом... Потом, когда я поела того яблока, я вдруг почувствовала, что становлюсь другой. Я перепугалась.

– И ты захотела, чтобы я тоже стал другим. Но хочу ли я того – этим ты не заботилась!

Мать вздыхает:

– Да, Адам. Я тебя обманула. Я послушалась Бога и схитрила, сделала так, чтобы и ты ослушался. Наша жизнь стала сложной. В Эдемском саду не было холода и болезней – а тут мы почувствовали, как тяжелы могут быть страдания. Но ты еще не понимаешь, насколько больно может быть. Бог сказал, что за грех свой женщины рожать будут в муках. Хорошо, что ты не знаешь, какие это муки. Внутри все разрывается, кажется, с ума сойти можно. И все-таки я... не знаю... я жалею и не жалею о том яблоке. Муки родов быстро забываются. Я так счастлива, когда смотрю на детей наших...

Отец кивает:

– И я счастлив. Прежнюю жизнь нам не вернуть. Но в этой, нынешней, тоже есть много радости. Я простил тебя за твой обман. Не могу на тебя долго сердиться.

Сестры пристают к родителям с вопросами. Авель улыбается своим мыслям. Каин же думает о том, что коли выпал бы ему удел находиться в тепле и сытости и при этом не работать тяжело с утра до ночи – то уж он бы такую возможность не упустил и, конечно же, не стал бы есть никаких дурацких запретных яблок.

После того как вызрел хлеб, отец напомнил Каину и Авелю:

– Близится время, когда надо принести жертву Господу Богу нашему. Обычно делали это мы с матерью, потом вы нам помогали. Сейчас мы научили вас всему, что знаем сами. И в этот раз вы уже принесете жертву Богу без нашей помощи.

Каин пожал плечами. Ничего сложного в этом жертвоприношении нет. Надо положить дары на жертвенник (перед домом давно уже лежат большие плоские камни, которые специально прикатил отец), помолиться. Потом на дары спускается огонь небесный – знак того, что Господь принял жертву.

Авель улыбнулся:

– Отец, какое же это счастье – благодарить Господа за то, что Он так добр к нам.

Дары для жертвенника Каин собрал быстро. Наполнил плошку крупным золотистым зерном, собрал самого спелого винограда и других плодов, обильно вызревших в саду.

Авель тоже времени даром не терял – заколол, наверное, жирнейшего барана в своем стаде. Также заколол он коз и ягнят.

«Ну и зачем Богу такая грудница мяса?» – подумал Каин, но вслух ничего не сказал.

Авель, опустившись на колени перед жертвенником, уже исступленно молился.

Каин тоже стал на колени, начал читать молитву.

Не успел Каин проговорить текст – как полыхнуло жаром. Каин даже отшатнулся: огонь, спустившийся на жертвенник Авеля, был очень сильным.

Потом Авель благодарил Бога за то, что тот призрел дары его.

Каин закончил молиться. Но никакого огня на его жертвенник почему-то не снизошло.

Каин читал молитвы до ночи. Продрог, мучительно ныли колени. Авель помогал ему, потом ушел в дом и, должно быть, позвал всю семью. Краем глаза видел Каин сестер и родителей – они тоже молились в некотором отдалении.

Хлеб и плоды лежали себе целехонькими на его жертвеннике.

– Ничего, Господь принял жертву Авеля за всю нашу семью, – утешала его за ужином мама.

– А может, мы проснемся, а твоих даров нет, – вторил отец.

Но и утром жертвенник был по-прежнему полон...

– Иди работать, – распорядился Адам, сочувственно глядя на сына. – Это отвлечет тебя от грустных мыслей.

И он ушел в поле. Правда, никакого облегчения монотонный труд не приносил. В груди давила страшная тяжесть, а еще отчего-то сильно хотелось плакать.

Каин убирал на поле солому, когда вдруг появился Авель.

– Я уже управился и помогу тебе!

Вид его улыбающегося лица Каина взбесил.

Надо же, какой добрый! Ему помогает, Богу молится правильно! И все-то у него легко, все радостно!

А вот интересно. Коли возьмет он острый нож и перережет Авелю горло – как тот перерезал недавно барану для жертвенника, – поможет ли ему его Господь? Или же брат будет таким же мертвым, как те козы и ягнята? Адам с Евой говорили, что человек – не как животное, он бессмертен.

Вот и проверим...

Каин снял с пояса нож, осторожно потрогал пальцем лезвие. Было оно острым, затупиться не успело – ведь недавно он хорошо наточил его.

Бесшумно подкравшись к наклонившемуся брату, он одной рукой схватил его за плечо, а другой чиркнул по шее. Авель упал лицом вниз, потом перевернулся, схватился руками за окровавленное горло. В его голубых глазах мелькнуло изумление. А потом они закрылись.

Авель был мертв! Ну точно заколотый ягненок – лежал без движения, и грудь его не вздымалась от дыхания...

Каин и сам не понял, отчего захотелось ему сорвать кольцо с крупным зеленым камнем, которое Авель всегда носил на правой руке.

Он надел его на свой палец и едва не закричал. Казалось, золото расплавилось и жжет кожу яростным огнем. Постанывая от боли, Каин попытался стащить кольцо – но оно не снималось, словно бы вплавилось в руку.

– Каин, где же брат твой, Авель?

Каин обернулся по сторонам, пытаясь понять, откуда раздается громкий голос. Но вокруг никого не было.

Понимая, с кем разговаривает, он с деланой беспечностью пробормотал:

– Разве я сторож брату моему?

Но голос не умолкал:

– Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле¹.

У Каина невольно вырвалось:

– Наказание мое больше, нежели снести можно. Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня².

– За то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро³.

Эти слова были последними, что Каин услышал от Него.

Когда он вернулся домой, вся семья уже знала о произошедшем. Господь оказался невероятно болтлив. Мать рыдала, отец, как следует размахнувшись, ударил Каина по лицу.

Он забрал Аду, сестру и будущую жену свою, и ушел из родительского дома куда глаза глядят.

* * *

– Я пою в Дубае в ночном клубе. Получаю две тысячи долларов, и мне при этом не надо платить за еду и жилье. Мы живем в отеле, а едим в клубе. Мне очень нравится, что зимы нет. Хотя во всем есть и минусы. Там везде кондишены, кожа сохнет и стареет...

На месте этой девчушки, сидящей на соседнем кресле комфортабельного «Боинга», я бы переживала о другом. Все ее органы – наверное, вследствие какой-то механической травмы или неудачного падения – смещены ближе к низу брюшной полости. Это нарушает кровообращение, сдавливает сосуды, и, похоже, стопроцентно хорошего самочувствия эта девочка не имеет никогда. А еще мне очень не нравится темное пятно в ее левом легком⁴.

Впрочем, я уже давно избавилась от привычки озвучивать людям их диагнозы. Своими словами я наносила тот же вред, что и официальная медицина, снимающая симптоматику,

---

¹ Цитируется по Библии, Ветхий Завет, Бытие, глава 4.

² Цитируется по Библии, Ветхий Завет, Бытие, глава 4.

³ Цитируется по Библии, Ветхий Завет, Бытие, глава 4.

⁴ После перенесенной клинической смерти судмедэксперт Наталия Писаренко стала иногда видеть внутренние органы живых людей и астральные тела умерших.

но не устраняющая причину заболевания. Болезнь возникает, когда у человека что-то нарушено во взаимоотношениях с миром, когда он не испытывает внутренней гармонии. И боль – это стимул к правильным изменениям, к тяжелому пути, по которому должен идти человек, желающий обрести здоровье. Хотя, конечно, у официальных медиков не отнять одного очень важного достоинства – они умеют проводить реанимационные мероприятия и давать тем самым пациентам время для осмысления проблемы.

Мне и самой есть за что благодарить врачей. Не так давно мне пришлось обращаться за помощью к наркологу⁵. В какой-то момент мне даже казалось, что я не справлюсь, что возврата к нормальной жизни без инъекций хотя бы метадона никогда не будет. Но я очень хотела жить, не разрушая ни свое тело, ни личность. И я справилась с этой зависимостью...

Я рассеянно слушаю воркующую певицу, иногда выдаю ожидаемые от меня реплики – но мысли упрямо возвращаются в Москву.

Три недели назад мне позвонил мой любовник Денис Муратов⁶, и от его голоса мир, как всегда, сначала застыл, а потом разлетелся на сотни мельчайших переливающихся осколков.

Меня убивали наши отношения. Я – человек прямой и стараюсь относиться к людям так, как хотела бы, чтобы они относились ко мне. Когда я смотрела в любящие глаза мужа, мне казалось, что нет женщины грязнее, циничнее и отвратительнее.

Но я ничего не могла поделать с этой неконтролируемой зависимостью от губ Дениса, его запаха и нежных рук. Понимала, что мы мучаем друг друга; что я старше, а значит, должна быть умнее и отпустить мальчика в счастливую светлую жизнь. Однако наша страсть напоминала стихию, ураган. Мы оба ничего не могли с этим поделать.

Денис предложил встретиться в кафе, и это меня обрадовало. По крайней мере, в публичных местах мне хватало сил не впиваться в его губы, а ему – не сдирать с меня одежду. Хотя, конечно, для меня просто присутствие рядом этого мальчика превращалось в лихорадку, разрывало мысли и в принципе разносило всю личность вдребезги.

– Это тебе, – он положил на столик красивую черную шкатулку.

Я ахнула:

– С ума сошел!

Шкатулка была довольно большой, и у меня промелькнуло в голове, что там, наверное, должно быть какое-то ювелирное украшение вроде кольца. Но на черном шелке оказался прямоугольный флакон парфюма.

«Sweet redemption by Kilian the end», – прочитала я гравировку на серебристой пластинке.

Сладкое искупление, конец? Или как еще переводится redemption? Избавление, освобождение, спасение?

Пока redemption проводил ревизию в моей памяти, где хранились когда-то довольно приличные запасы английских слов, покрытые теперь толстым слоем пыли, я достала флакон и брызнула на запястье.

У меня на глазах выступили слезы.

Аромат открывался сладким, радостным спелым виноградом, головокружительным и невероятным (правда, потом я посмотрела пирамидку и в первых нотах никакого винограда не нашла, наверное, апельсиновый цвет, переплетаясь с ванилью, превращался в запах спелой «Изабеллы»). Довольно быстро виноград стал дымиться и умирать. Все кончено: плавятся восковые медовые свечи, свежевystруганный деревянный гроб стал последним приютом, и в клубах ладана даже слышны слова поминальной молитвы. В базе парфюм опять становился лег-

---

⁵ Наталию похитили бандиты и посадили на героин. См. роман О. Тарасевич «Карты великого мага».

⁶ Наталия познакомилась с ним на проекте «Ясновидящие», где выступала в качестве эксперта. Денис обладает сильными экстрасенсорными способностями.

ким, сладким, более свежим. Да, в волосах еще запутался ладанный след. Но приходит новый рассвет, и свежий ветер дарит ароматы росы, просыпающихся цветов, новых открытий...

– Спасибо, – сглотнув комок, сказала я, чувствуя, как парфюм буквально впитывается в кожу, становясь моим собственным запахом. – Ты пришел в очередной раз со мной попрощаться?

Денис пожал плечами:

– Попробовать-то можно. Мы с Юлей подали заявление. Свадьба через месяц.

– Это хорошо. Знаешь, сейчас я могу зареветь. Ты не пугайся, если что. Но вообще я считаю, что все правильно. Ты молодец.

Мне действительно очень нравилась его девушка. Ему нравился мой муж. Мы оба пытались вырваться из сладкой, подлой бесперспективности наших отношений. Пускай у мальчика все получится. Пускай мы оба встретим тот новый рассвет, оставляющий пахнущую виноградом болезнь в прошлом.

– И это тоже тебе, – Денис вынул из кармана куртки лотерейный билет. – Я почувствовал в нем очень крупный выигрыш. Тебе предстоит непростой период на работе. А весь свой отпуск ты, мягко говоря, не отдыхала⁷. Потом еще наркотики... Тебе надо куда-нибудь съездить.

Я мечтательно вздохнула. Зима в этом году выдалась не слишком свирепой, без больших снегопадов и выстуживающих счастье морозов. Да, в Москве сейчас очень даже неплохо. Но мир такой большой! И есть куча стран, где в феврале еще лучше, где уже светит солнце и можно загорать и купаться. Только вот кто мне разрешит понежиться на солнышке? График отпусков составлен, моя очередь во второй половине сентября.

– С отъездом проблем не будет, – прочитав мои мысли, Денис встал, махнул рукой, сделал пару шагов. Потом быстро вернулся, чтобы почти убить меня снайперским поцелуем в висок.

Без нового парфюма я бы точно разрыдалась. Но аромат нежно обнимал меня и сладко нашептывал, что скоро, очень скоро все внутри меня перестанет сжиматься болью и я смогу просто дышать, а потом и улыбаться...

На следующей неделе я выиграла почти триста тысяч рублей. Конечно, меня это здорово удивило! Я знала, что у Дениса большие способности, позволяющие порой проникать и в прошлое, и в будущее. Но то, что эту силу можно использовать так практично, для меня стало сюрпризом. Я думала купить подарки мужу, сыну, невестке и внучке, а большую часть денег передать в собачий приют, которому я помогаю.

Обожаю дворняжек, ненавижу мучающих их людей! У нас с мужем живет целая стая, три самые лучшие собачатины – Дина, Лайма и Босьяк, доставляющие нам много радости.

Однако помощь приюту оказалась меньше, чем я предполагала; деньги понадобились мне самой и срочно. Денис не ошибся и с прогнозом насчет проблем на работе...

Все началось с трупа мужчины с явными признаками удушения веревкой с последующим повешением для имитации самоубийства. Случай был совершенно ясный и понятный, не вызывающий ни малейших вопросов. Я не нашла признаков прижизненного повешения. Ни осаднений и внутрикожных кровоизлияний по ходу странгуляционной борозды, ни кровоизлияний в подкожную клетчатку и мышцы шеи, ни кровотечения из носа, рта и ушей – ничего. Зато наличествовали жесткая странгуляционная борозда с четкими краями и выраженным осаднением и даже синяки на шее (похоже, жертва сопротивлялась, и в какой-то момент убийца, ослабив петлю, душил мужчину руками). К тому моменту, когда я дописала акт, пришли результаты исследований, не выявивших на ладонной поверхности рук микрочастиц петли. Постановка судебно-медицинского диагноза была очевидна. Поэтому мой начальник Валера сказал прямо:

---

⁷ Наталия занималась расследованием смерти своего коллеги – судмедэксперта Бороды. Более подробно см. роман О. Тарасевич «Карты великого мага».

– Рыжая, на меня конкретно давят по этому случаю. Следователь вменяемый, заинтересован в нормальном расследовании. Но у родственников подозреваемого есть выход на наше руководство, хотят другое экспертное заключение с формулировкой «самоубийство».

– Валерочка, иметь подобные желания – это прекрасно, – протянула я, рассматривая стоящую на столе шефа табличку: «у всех заботы – у меня забавы, у всех работа – у меня игра, у всех проблемы – у меня задачи на сообразительность». – Но ты же понимаешь, на меня где сядешь – там и слезешь. Я на старости лет такой ерундой заниматься не буду.

– И это правильно, – начальник кивнул. – Но я не могу послать свое руководство в задницу. Поэтому мы со следователем договорились так: ты сваливаешь в отпуск, он пока роет доказательства. А я вешаю нашим лапшу, что акт экспертизы будет переделан тем экспертом, который выполнял вскрытие, как только, так сразу. Мы типа всей душой рады вам помочь, вот человек вернется, и все будет, не проводить же эксгумацию.

– Как-то это противно.

Валера пожал плечами:

– Рыжая, не бухти. Обычные шахматы. Не прямая атака, а небольшой обходной путь.

Уезжать надо было, во-первых – срочно, а во-вторых – далеко.

В туристическом агентстве мне посоветовали Арабские Эмираты. Так я оказалась в самолете, летящем в Дубай. С моих запястий пахло виноградом, из окошка уже виднелись небоскребы и голубые лоскутки воды, освещенные ярким солнцем. Все это предвещало беззаботный отдых. Но я ошиблась...

* * *

«А мне здесь нравится, – решила я, рассматривая Дубай из окна отельной машины. – небоскребы в сочетании с пальмами прекрасны. Я думала: огромные здания будут подавлять. Странно, ничего подобного. Они легкие, сияющие, наполненные небом и солнцем. Восхищают – да. Напрягают – нет... Самая распространенная машина – белоснежный «Ланд Крузер». В джипах восседают мужчины в национальной одежде – белых длинных рубашках, красно-белых клетчатых платках. Интересно, куда они едут? Может, в мечеть? Я не представляю таких колоритных арабов за работой в офисе... Да, похоже, местное население живет очень неплохо. Количество «Порше» и «Мазератти», пожалуй, будет посерьезнее, чем на Рублевке! И еще, конечно, своими хиленькими экстрасенсорными способностями я чувствую здесь невероятную в сравнении с Москвой безопасность и отсутствие агрессии. В путеводителе было написано, что за кражу тут до сих пор отрубают руки. Похоже, очень действенное средство в плане наведения порядка».

– Вы правильно сделали, что выбрали отель в Шардже, – сопровождающая меня девушка-гид приветливо улыбнулась. – В Дубае очень комфортные гостиницы. Но вы видите – стоит шикарное здание посреди пустыни, рядом – только рестораны и бутики. Отелей с собственным пляжем в Дубае немного, и они стоят дорого. Да, в Дубае есть пляжи – и платные, и муниципальные. Но туда надо добираться. А в феврале погода еще неустойчивая. Одно дело, не обнаружив солнышка, вернуться в номер, и совсем другое – ждать трансфер или искать такси. Хотя такси тут дешевое. Все-таки за доллар можно купить два с половиной литра бензина. Туристов в феврале немного. Сегодняшним рейсом только вы одна и прилетели, поэтому трансфер на машине, а не на микроавтобусе. Хочу вас предупредить насчет алкоголя и одежды. Здесь нахождение подшофе в публичных местах является основанием для задержания. До нескольких дней можно провести в полиции. По одежде: плечи и колени должны быть закрыты. В отеле вы можете ходить в шортах. Но если ехать в город – то только в длинной юбке или джинсах.

Я кивнула:

– Понятно. А Шарджа далеко от Дубая?

– Если без пробок – полчаса. Но вообще машин тут много, и движение совершенно непредсказуемо.

В реальности мой отель оказался еще прекраснее, чем в рекламном буклете. Выполненный в форме пирамиды, он казался почти полностью стеклянным. За огромными окнами были щедро рассыпаны пригоршни звезд, большую часть холла занимал зимний сад с водопадом. Я смотрела на сбегаящие по светло-коричневым камням серебряные струйки воды; на пальмы, обвитые сияющими нитками гирлянд; на разноцветных карпиков, лениво шевелящих плавниками в своем пруду, – и улыбалась.

Я в лете!

Я в восточной сказке!

Ура!!!

Ни за что не позволила бы себе такой отдых, если бы не обстоятельства. Приюту постоянно требуются средства: то обновить вольеры, то поставить новую ограду, да и ветеринарам надо платить за лечение и стерилизацию животных.

Но так сложились обстоятельства, что мне предстоит провести две недели в чудесном месте! И я буду радоваться каждому мгновению!

Девушка с рецепции вручила мне карточку-ключ от номера, улыбчивый носильщик помог с чемоданом.

Номер не разочаровал – чистый, просторный, с видом на Персидский залив.

«Добралась хорошо, – написала я в скайп мужу. – Погода чудесная, отель шикарный. Зачем-то в комнате целых две двуспальные кровати».

«Две кровати и ни одного мальчика? Вот облом! Отдыхай, дома все хорошо», – отозвался Ленья.

Очень хотелось позвонить Денису. Но я напомнила себе, что парень готовится к свадьбе. И не надо ему вгонять очередную занозу в сердце.

Приняв душ, я открыла чемодан, быстро разложила-развесила одежду. И, глядя на вешалки с платьями, задумалась.

Наряды мои явно не подходили для прогулок по строгим Арабским Эмиратам.

Вообще-то мне уже сто пятьдесят лет. Но я выгляжу сестрой собственного сына Димки, причем младшей. Генетика такая – ни морщин, ни лишних килограммов. А с легкой сединой в гриве рыжих волос легко справляется упаковка краски.

Конечно, употребление наркотиков, мягко говоря, женщину не украшает⁸. Когда я после освобождения из плена увидела, во что героин превратил мое лицо, – мне стало страшно. После больницы я первым делом отправилась к косметологу. И была просто поражена, сколько всего придумано для восстановления красоты. Через месяц регулярных процедур, пожалуй, я выглядела даже лучше, чем до всей этой истории.

Не то чтобы я старательно выбираю мини-платья. Но у меня высокий рост, и если только у платья талия и плечи садятся хорошо – я покупаю его, не обращая внимания на то, что там с линией низа.

Получается, у меня с собой в наличии только одно платье, более-менее подходящее под местный дресс-код, – темно-синее, с асимметричным подолом в пене кружев, рукавом три четверти и целомудренно закрытой грудью.

Его я и надела, чтобы не передеваться после ужина, а сразу отправиться на прогулку вдоль небоскребов.

Так, что мне надо взять с собой?

Карточку-ключ, мобильник. Портмоне, пудру, расческу. Все, сумочка собрана.

---

⁸ См. роман О. Тарасевич «Карты великого мага».

Побрызгавшись подаренным Денисом парфюмом, я вышла из номера, спустилась в холл и остановилась возле стрелочек-указателей на английском. В общем, все было понятно: ресторан – налево, пляж – направо. Не посмотреть ли мне пляж перед ужином? Купаться точно не буду: по вечерам в феврале тут градусов пятнадцать, не жарко. Зато можно все осмотреть, и...

– Ой, здравствуйте! А мы заселялись после вас. Вы что, одна путешествуете? И не боитесь?

– А вы в разводе, да? И я тоже развелась. Мужики такие кобели, им все молоденьких подавай.

Меня атакуют мама и дочка – обе похожи красивыми ямочками на щеках и некрасивыми валиками жирка в районе талии. Мамочке лет пятьдесят, дочке около тридцати. Обе замолчали, увидев обручальное кольцо на моей правой руке.

Представляюсь:

– Наталия.

Нагло вру:

– Рада знакомству.

Конечно же, меня ничуть не тяготит ни одиночество, ни самостоятельные путешествия. Я говорю по-английски (все-таки английская спецшкола свое дело сделала) и в случае каких-либо проблем смогу обратиться за помощью. И мне очень комфортно с собой. Люблю оставаться наедине с собственными мыслями, наблюдать за красотой проявлений жизни, прислушиваться к природе. Это редко получается у меня в Москве. И, кажется, уже вряд ли получится в Шардже.

Как я и опасалась, барышни – Мария (маман) и Катерина (великовозрастное дитяtko) – приклеились ко мне намертво, со всей страстностью изголодавшихся пиявок.

Мы вместе осматриваем пляж (с прекрасным, на мой взгляд, белым песочком, удобными лежаками и зонтиками), вместе прохаживаемся по пальмовой аллее.

Моим спутницам увиденное активно не нравится.

– А где волны? – вопрошает Мария, сурово сдвинув аккуратные светлые брови. – Мне так нравится входить в море и чтобы волны плескались.

– И кафе далеко от пляжа, – ворчит Катя, ну точно яблоко от яблони. – За водой и мороженым пока дойдешь.

Иногда мне хочется побыть сукой.

Кошусь на Катины тела и улыбаюсь:

– Некоторым очень даже полезны прогулки.

И не оставлять же Марию без комментария:

– Вообще-то залив – это не совсем море, надо было географию лучше учить.

Расчет на то, что дамочки обидятся, не оправдался.

На ужин они тащатся вместе со мной, заставляют весь стол тарелками с пирожными, критикуют мою горстку риса с креветками...

В целом публика в ресторане мне нравится. Как ни странно, похоже, большинство туристов в нашем отеле – русские. Но это какие-то совсем не те русские, которые отдыхают в Турции и Египте. Запрет на алкоголь отфильтровал любителей крепких напитков. И в итоге тут оказались спокойные супружеские пары средних лет, многие приехали с детьми-внуками. И еще приятное впечатление производит обслуживающий персонал. Он приветлив, но без этой турецко-египетской страстности. Помню, в Египте я не могла спокойно поглощать еду. В ресторане за каждым столбом стояло по местному горячему парню, они взирали на меня, как на богиню, открыв рот. Богиня отчаянно давилась и смотрела строго в собственную тарелку, ибо любой мимолетный взгляд явно зажигал в страстных сердцах надежды, оправдаться которым было не суждено. В отелях Эмиратов работают в основном эмигранты, пакистанцы,

индусы, филиппинцы. Они более чем спокойно реагируют на русских женщин. Да, приветливые. Но в ступор от славянской внешности не впадают.

– Ой, Наташ, а может, ты с мужчиной хотела познакомиться? – прожевав кусочек сто девяносто второго круассана, интересуется Мария. – А мы тут тебе мешаем?

Катерина (в активе всего сто двадцатый круассан, эх, молодежь, вот, наверное, матушка в твои годы давала стране угля) глубокомысленно изрекает:

– Мужик-то сейчас трусливый пошел. К одной женщине он бы, может, еще и решился бы подойти. А к трем уже никогда не подойдет!

С трудом сдерживаюсь, чтобы не пуститься в пляс.

Вот оно, избавление! Девчонки сами подсказали, как мне слиться из их компании.

– Маш, ты видишь меня насквозь. Только за этим я сюда и приехала! – говорю я и чувствую, что даже начинаю вдохновляться собственной ложью. – Мужик мне реально во как нужен, – стараясь не расхохотаться, провожу рукой по горлу. – И мужик сейчас действительно пугливый пошел. Так что я отправлюсь десерт за другой столик есть. Вдруг сработает!

Они провожают меня как родную. Поправляют волосы, чуть ли не осеняют крестом.

Простодушные.

Но мне не стыдно их дурачить.

Хочу в арабскую сказку. А глупых недовольных комментариев над ухом не хочу...

Глава 2

Урбино, 1491–1493, Рафаэль Санти⁹

В мастерской отца все интересно. Разглядывать, как подмастерья отмывают кисти скипидарным раствором или толкут мел в ступках; наблюдать за тем, как надо грунтовать холст, смешивать краски, делать эскизы или даже просто золотить самые обычные шпоры и эфесы шпаг.

Рафаэль сделал несколько шагов по залитой светом просторной комнате, подошел к новенькому юноше, недавно нанятому Джованни¹⁰ на работу. Паренек увлеченно шлифовал поверхность доски для картины, пропитывая ее терпко пахнущим лаком, и не обращал на сына хозяина никакого внимания. Улыбнувшись, Рафаэль пожал плечами и направился к стоящему у мольберта мужчине.

– Добрый день, Джироламо, – поприветствовал его Рафаэль, с любопытством поглядывая на его работу, уже отчетливо угадываемое Святое семейство: нежную задумчивую Марию с серьезным младенцем Иисусом на руках, седовласого благородного Иосифа.

Джироламо бросил на Рафаэля благодарный взгляд, значение которого сразу же стало ему понятно. Никто в мастерской не обращался к этому подмастерью по имени. Его звали Неряхой, хотя на его фартуке никогда не было пятен красок. Просто его фамилия Дженга на тосканском диалекте переводилась как «неопрятная женщина», и прозвище «Неряха» намертво приклеилось к Джироламо.

Рафаэль уселся прямо на пол, достал из висевшей на плече сумки альбом и карандаш. Он решил провести пару часов за своим любимым занятием – копированием работы подмастерье.

– А ты попробуй нарисовать по памяти. Копировать-то ты мастак! – Джироламо сверкнул белозубой улыбкой и передвинул мольберт так, чтобы начатая картина была не видна сыну хозяина.

Рафаэль запустил пальцы под черную беретку, почесал затылок, поправил светлые локоны. И кивнул.

– Хорошо! По памяти так по памяти!

Закрыв глаза, он вдруг словно увидел ту картину. И понял, что воспроизвести Святое семейство в своем альбоме ему не составит ровным счетом никакого труда.

Быстрыми штрихами он очертил профиль Марии, ее фигуру, потом на листе появились глаза, нос, губы Иосифа.

– Вот ты где! Гости уже собрались, я запек шикарного цыпленка! А ты в мастерской прячешься, и...

Увидев рисунок сына, Джованни замолчал, схватил альбом, подошел с ним к мольберту, где работал подмастерье. И разразился восхищенными возгласами:

– Как точно переданы все детали! И ты нарисовал это по памяти? Молодец, сын! Тебе надо и дальше развивать наблюдательность! Умение видеть детали, замечать мельчайшие особенности – нет ничего важнее для художника!

Скоро Рафаэль уже шагал рядом с отцом, предвкушая великолепный обед.

Страсть отца к приготовлению разных блюд сначала была встречена в семье насмешками. Тетушки, две незамужние сестры отца, звонко возмущались на весь дом.

---

⁹ В работе использована информация из книги Александра Махова «Рафаэль».

¹⁰ Джованни Санти – отец известного художника Рафаэля, он также был художником.

– Где это видано, чтобы знатный мужчина занимался кухней! – всплеснула руками Маргарита.

Санта ее поддержала:

– Да и не знатный тоже! Для готовки есть если не служанка, то жена! Что, может, уже мужчины и детей рожать примутся?!

Отец обнял их и рассмеялся:

– Мне нет никакого дела до обычаев! Я хочу на кухню, и я буду там! Стану смешивать специи как палитру! Вот прямо сейчас сготовлю вам вкусное блюдо. За добавку подеретесь!

Мама пробовала сваренный отцом суп с напряженным лицом. А потом, отбросив ложку, бросилась ему на шею.

– Как вкусно, милый! Такой нежный ароматный минестроне! Наши слуги никогда такого не готовили! – восхищалась она.

Маргарита и Санта молча орудовали ложками.

Конечно, отец не баловал готовкой каждый день. Но когда приходили гости, он всегда с удовольствием занимался обедом. А мама пела. Приглашенный на вечер музыкант подыгрывал ей на лютне, и соседи восхищенно перешептывались:

– Повезло Джованни с женой. У Маджии превосходное контральто, и она – такая красавица!

– А вы знаете, что Джованни специально прячет ее от двора. И не вывозит больше на балы. Слишком большим успехом пользуется там Маджия!

Рафаэль наблюдал за матерью и отцом и улыбался.

Как красивы его родители! Отец – высокий, худощавый, с седыми волосами, красиво обрамляющими смуглое лицо. Колет¹¹ и узкие штаны подчеркивают стройность и пропорциональность его подвижной фигуры.

Мамочка, которой не исполнилось еще и тридцати лет, – большая кокетка. Каждый день ее густые темные волосы собраны в новую затейливую прическу. Атласных и парчовых платьев у нее множество, и каждое из них является предметом острой зависти соседок. Ведь платья мамы портной шил по эскизам отца. И ни у одной дамы в Урбино нет таких изысканных нарядов.

Когда мать с отцом смотрят друг на друга, их лица светлеют, светятся счастьем и покоем, становятся невероятно красивыми. Так солнце высвечивает всю красоту налившейся соком виноградной грозди, всю нежность распускающейся розы и сверкающей в бутоне капли росы. Так и любовь родителей, как то солнце...

Отяжелев от еды, устав от разговоров, Рафаэль удрал в сад. Он думал еще немного порисовать в своем альбоме, но изумрудная трава оказалась маняще-мягкой, а крона пинии создала настоящий островок прохлады в жарком саду, и Рафаэль незаметно для самого себя задремал.

Ему снились фрески. Место для их нанесения уже было подготовлено, а в распоряжении Рафаэля имелись все краски, даже дорогущая ляпис-лазурь для рисования синего неба. И вот он с увлечением расписывал стены уверенными мазками, приходя в восторг от переполнявшего его чувства свободы, счастья, невероятного полета и всемогущества. А потом на одной из картин вдруг проступило взволнованное лицо Джованни Санти.

– Рафаэль, вот ты где! Слава богу, нашел тебя. Пойдем скорее в дом!

В голосе отца слышались такие боль и тревога, что Рафаэль мгновенно проснулся и вздрогнул, как от удара хлыстом. Сердце стиснули нехорошие предчувствия.

– Мама пела, потом все сели играть в карты, – рассказывал Джованни, быстро шагая по дорожке. Рафаэль едва поспевал за ним. – Потом мама ушла сказать служанкам, что можно

---

¹¹ Верхняя мужская короткая одежда до талии мужского костюма эпохи Возрождения.

подавать сладкий пирог. Но вдруг пошатнулась и упала. Лишилась чувств. За доктором уже послали. Надеюсь, кровопускание поможет и Маджия быстро поправится.

– Конечно, папа, – Рафаэль взял отца за руку, чтобы хоть немного его подбодрить. – Так все и будет!

Джованни похлопал сына по плечу:

– Какое же счастье, что ты у нас есть! И как жаль, что твой старший брат умер. Кормилица заразила его оспой. Это я настоял, чтобы Маджия кормила тебя сама. Сестры мои так орали, что я чуть не оглох. Где такое видано – знатная дама кормит грудью как какая-то простолудинка. А ты им назло рос здоровым и веселым малышом. Больше всего нам с матерью нравилось, что ты всем даешь поиграть свои игрушки. Обычно детки бывают жадными. Тебе никогда не было жаль игрушек.

Рафаэль слушал знакомый голос отца, но тревога, терзавшая сердце, все не проходила.

Когда они дошли до дома, в спальне Маджии уже был доктор. Он знаком показал застывшему в дверях Рафаэлю, что пока не время беспокоить матушку. Рафаэль, вздохнув, посмотрел на непривычно бледное лицо мамы и пошел к себе в комнату.

Рисовать не хотелось, играть тоже.

Наверное, ближе к ночи сон все-таки сморил его.

Проснулся Рафаэль от дикого крика отца.

Джованни рыдал на весь дом:

– Нет, нет! Маджия, вернись ко мне!

Рафаэль вскочил с постели, выбежал в коридор и увидел, как отец яростно избивает доктора, неловко закрывающего лицо руками. И хотя уже было понятно, что случилось то самое, страшное, о чем все они боялись даже думать, Рафаэль попытался спросить у папы, что произошло. Он хотел задать вопрос – и вдруг осознал, что больше не может говорить. Из рта раздавалось только странное мычание.

Слова закончились, слез не было, и все его существо просто разрывалось от дикой боли, едва позволяющей дышать...

Воспоминания тех дней заволкло туманом.

Рафаэль только помнил, как на кладбище Джованни все отворачивал его лицо, когда землекопы опустили гроб матери в могилу и принялись закапывать яму. Земля по обтянутой черным бархатом деревянной крышке, казалось, стучала громче, чем колокол, зовущий прихожан на службу.

Воздух в доме сразу стал горьким. Привычные комнаты казались темными и мрачными. И было совершенно непонятно, куда идти, что делать и какой вообще смысл во всем, если мамочка лежит уже закопанной на кладбище.

Испуганный немотой сына, Джованни увез Рафаэля в Пезаро, к приятелю-скульптору, жившему в небольшом домике на самом берегу моря.

Рафаэль не помнил, сколько вечеров они с отцом прогуливались по пляжу, невидящими глазами провожая убегающие к горизонту волны.

Однажды он нашел на берегу чудесный золотой перстень с крупным изумрудом. Надел его на палец – и вдруг почувствовал запах соленого ветра; увидел, как отражается краснощекое закатное солнце в темно-синей воде; услышал крики чаек, кружащих у берега.

– Красивый вечер сегодня, папа! – пробормотал Рафаэль и улыбнулся. – Я снова могу говорить. Моя речь вернулась ко мне!

– Какое чудо! – воскликнул отец, обнимая сына. – Все, сынок, теперь я счастлив! Все самое плохое уже в прошлом.

И Рафаэль поверил – дурной сон больше не повторится. Но, как оказалось, совершенно напрасно...

Для всех домашних скорая женитьба отца стала шоком. Никто так и не понял, когда Джованни успел предложить крикливой вульгарной Бернардине стать его женой. Он просто как-то вечером вернулся из мастерской и объявил, что надлежит готовиться к свадьбе.

Рафаэль, поперхнувшись лепешкой, изумленно уставился на отца. «Папе уже скоро шестьдесят. Бернардине едва минуло двадцать. Он что, вообще ничего не соображает?» – пронеслось у него в голове.

Тетушки, отложив ложки, сначала просто хватали ртом воздух, как выброшенные на берег рыбы. А потом в своей обычной манере разразились криками.

– Ты только недавно снял траур по Маджии! У тебя совесть есть?! Кости бедняжки не истлели в могиле, а ты уже ведешь в дом мачеху! Рана Рафаэля еще не затянулась! Ты подумал о своем мальчике?! – орала Санта. Она даже встала из-за стола, чтобы ей было удобнее.

– А какая семья у этой Бернардины! Жалкие ничтожные людишки! Вечно судятся, кляузничают! И эту кровь ты будешь мешать со славной кровью рода Санти? – вторила Маргарита.

Отец пожал плечами:

– Сестрички, вы же меня знаете. Я не буду вам ничего объяснять. И мне плевать, что скажут соседи. Венчание у нас через неделю...

Рафаэль предполагал, что новая жена отца будет его недолюбливать. Но он и подумать не мог, что душа одной женщины может вмещать столько ненависти ко всем без исключения людям. Обвенчавшись с отцом, Бернардина на следующий же день назвала тетусек старыми дурами, выбросила из окна корзину с котятками, открыла клетки с канарейками и щеглами (видите ли, звонкое радостное пение милых птишек нарушило ее драгоценный сон).

Котятки Рафаэль нашел, к счастью, они упали на мягкую травку и совершенно не пострадали. А вот птиц, принесенных в дом еще дедом, конечно же, вернуть не удалось. Они, радостно чирикавая, упорхнули в яркую синь неба и скоро превратились в маленькие черные точки, а потом и вовсе исчезли.

Рафаэль ушел в сад, в тень пинии, и долго-предолго там плакал. А потом отправился в мастерскую отца. Идти домой, где Бернардина начинала наводить свои порядки, ему совершенно не хотелось, несмотря на все острее ощущаемый голод...

* * *

Я не знаю итальянский язык, но смысл пламенных тирад и так совершенно понятен.

Невероятная женщина, любовь с первого взгляда, неземная страсть – и это все обо мне.

Оборачиваюсь на голос за спиной и едва удерживаюсь от улыбки.

На сей раз я восхитила итальянского дедушку лет трехсот от роду – с палочкой, слуховым аппаратом и артритными суставами дрожащих рук.

Спасаясь от него бегством в подъехавший к отелю микроавтобус.

Вообще-то возле входа их стояло несколько – для посещения разных торговых центров.

Уже внутри выясняется, что я очень удачно сделала выбор – наш автобусик едет в Дубай-молл, расположенный на первых этажах самого высокого небоскреба мира Бурдж-халифа. Там же находится еще одна достопримечательность – аквариум. А по соседству – площадь с «поющими фонтанами».

«Сначала похожу по магазинам, потом выпью кофе – наверное, он тут изумительный. А после посмотрю шоу фонтанов, – составляла я примерный план действий. – Жалко, на смотровую площадку Бурдж-халифа подняться не получится – билеты надо покупать заранее. Хотя гид предупреждала, что у нее все схвачено, так что обращусь потом к ней...»

Не думала, что растеряюсь внутри молла – но так оно и случилось.

Молл оказался таким огромным, сверкающим, многолюдным! Непонятно, где какие магазины находятся, только взгляд лихорадочно мечется от ярких вывесок кафе к компози-

циям из живых цветов, от колоритных девчонок в черных длинных одеждах к хрустальным фонтанам. Впрочем, повсюду находились информационные стенды с консультантами, предлагающими карты на разных языках. С планом ориентироваться в мраморных коридорах стало на порядок легче.

Оказалось, что буквально в двух шагах находился грин-шоп, торгующий телефонами и ноутбуками. Моя внучка взорвала родителям мозг, умоляя подарить мобильник этой фирмы. Сын с невесткой стойко держали оборону, доказывая дитятке, что такая дорогая игрушка ей совершенно ни к чему. Но везде писали, что в Дубае более низкие цены, и Димка попросил меня при существенной разнице в стоимости все-таки купить для детки вожеленный телефон.

Я оглянулась по сторонам, увидела логотип с зеленым листком – и пошла в том направлении.

– How are you? Do you like Dubai? How was your flight?¹² – застрелял вопросами консультант, пока я пыталась мысленно перевести свой вопрос.

К нам тут же подскочил еще один консультант.

– Would you like tea, coffee, water? We've got the best sweets and biscuits for our distinguished clients!¹³

У меня стала раскалываться голова.

Нет, я совсем не против, когда консультант интересуется, чем можно помочь. Но этот восточный напор – как сам, как семья, выпей чаю – не слишком ли он утомителен? Если надо совершить много покупок, и в каждом магазинчике ждет такой страстный прием – то так запаришься общаться, что никаких шмоток уже не нужно будет!

Выдавая привычный набор банальностей про Москву, наличие в ней снега и отсутствие медведей, я вдруг почувствовала чей-то пристальный взгляд.

Обернулась – и замерла.

Стоявший у витрины с ноутбуками мужчина напоминал обычного европейского туриста: надвинутая на глаза бейсболка, футболка с жизнеутверждающей надписью «I am ok», светлые брюки. Только массивное кольцо с изумрудом на загорелом пальце как-то не гармонировало со стильным спортивным образом.

Этот мужчина обладал невероятно сильной высокочастотной энергетикой, думаю, раза в три-четыре превосходящей «мощность» обычного человека.

Безусловно, незнакомец был вегетарианцем. Вообще-то я считаю, что животный белок нужен стандартному человеческому организму, там много питательных веществ, играющих важную роль для крови, мышц, костей и так далее. Однако многолетние энергетические практики меняют организм и его потребности. Мне приходилось общаться со многими людьми, занимающимися йогой или энергетическими упражнениями, которые со временем сократили употребление мяса или вообще отказались от него. С точки зрения энергетики животный белок – низкочастотная энергия, которая дает силы физическому телу, но понижает уровень энергий тонких тел. Денис ел мясо, только если ему приходилось работать с тяжелобольными клиентами, забирающими слишком много энергии.

Впрочем, незнакомец в грин-шопе не был ни экстрасенсом, ни целителем. Это я тоже почувствовала довольно четко. Его энергетическое поле ощущалось спокойным, умиротворенным, однородным и мощным. В нем не было горечи, которую оставляют рядом с экстрасенсами чужие боль и проблемы.

Этот мужчина... Он был... как Бог. Мы часто употребляем это сравнение, говоря о красоте. С внешностью в данном случае действительно все было в полном порядке. Но у незна-

---

¹² Как поживаете? Нравится ли вам Дубай? Хорошо ли прошел перелет? (англ.)

¹³ Что вам предложить, чай, кофе, воду? У нас есть для наших любимых клиентов самые лучшие сладости и печенье! (англ.)

комца имелось кое-что посерьезнее симпатичного лица и явно знакомого с тренажерным залом тела. Он обладал колоссальной творческой силой, он наверняка умел вдыхать свою энергию в проекты, планы, в конкретных людей. Я почти уверена, что, оказавшись рядом с таким генератором, даже обычные люди менялись: их состояние здоровья улучшалось, карьера шла в гору.

И при всем энергетическом богатстве у этого невероятного мужчины были закрыты почти все чакры! Сейчас я попытаюсь объяснить причины моего изумления.

В йоге и эзотерике говорится: у каждого человека имеется семь чакр, расположенных на разных уровнях тела – от переносицы до копчика. Обычно, когда у меня происходит неконтролируемое сканирование внутреннего строения человека, я вижу чакры как источники света, направленные на те или иные органы.

В этом же мужчине, если можно так выразиться, «чакральные прожектора» были выключены – кроме «семерки», расположенной на макушке. Так бывает только в одном случае – если душа человека готовится расстаться с физическим телом. Именно через «семерку» осуществляется выход души после физической смерти.

Глядящий на меня в упор мужчина был близок к переходу на другую сторону бытия как никогда.

Но почему умрет такой молодой (ему явно нет еще и сорока), сильный и, скорее всего, очень хороший человек?

Перед глазами у меня замелькали картинки его внутренних органов. Они были просто как иллюстрации из медицинского атласа – здоровые, красивые, идеальные...

Потом этот калейдоскоп прекратился.

Мужчина подошел ко мне, протянул руку и улыбнулся.

– Let me introduce myself. Johnny Green...¹⁴

* * *

И тут я его узнала. И поняла причины повышенной суетливости консультантов. А еще удивилась: что он делает в Дубае? Насколько я помнила по фоновому новостному потоку, протекающему через мое сознание из Интернета, вроде бы этот красавчик живет в Нью-Йорке.

Справившись с секундным замешательством, я представилась и пожала протянутую мне руку.

Она оказалась сильной, сухой и теплой. Джонни задержал мои пальцы чуть дольше положенного. И, судя по взгляду, мысленно уже стащил с меня строго-целомудренное платье и остался вполне доволен увиденным.

– Неужели вам нужен гринфон? – Он улыбнулся так эффектно, что папарацци из гляцевых журналов могли бы подражаться за этот кадр. – Вы не похожи на тех женщин, которые сходят с ума по девайсам. Судя по вашему парфюму, у вас другая страсть – секс.

Стоявшие рядом консультанты сразу же слились в дальний угол магазина, а потом стали старательно притворяться, что заняты своими делами, пытаясь при этом подслушать наш разговор.

– Я думаю, что ваша техника на порядок выше того, что делают конкуренты. Вы задаете тон, вас копируют и догоняют только спустя многие годы. Но вы правы, гринфон нужен не мне, моей внучке. А насчет секса – мне кажется, люди преувеличивают его значимость. В конце концов, это всего лишь пара простых движений. И есть много вещей, которые тоже доставляют огромное удовольствие.

---

¹⁴ Разрешите представиться. Джонни Грин... (англ.)

– Какие же? Что это за вещи? – Он прищурился. Если бы папарацци вдруг выжили в битве за предыдущий кадр, то шансы уцелеть сейчас были близки к нулю. – Шутка насчет внучки мне понравилась.

Открыв сумочку, я извлекла портмоне и, демонстрируя фотографию нашей Мышки, ответила:

– Просто секс не представляет для меня ценности вообще. Секс с любимым мужчиной – это, конечно, большая радость. Но может ведь случиться так, что любимого мужчины не будет. Или он не сможет делать это. Или я не смогу. Абсолютизировать секс и делать его центром Вселенной глупо. Он – как пирожное, можно съесть и будет вкусно. Ну а если десерт не предусмотрен – то ничего страшного. Самое большое счастье мне доставило рождение ребенка. Когда я увидела своего сына – это было так мощно, что я и описать не могу. Вообще я часто испытываю счастье. Несколько лет назад я пережила клиническую смерть. Я думала, что умерла и больше никогда не смогу обнять своих близких. После этого я счастлива каждый день. Я вижу солнце, своего мужа, наших собак, красивые лица, интересные здания – и все это мне нравится. Я очень многое люблю. Мне нравится вкус чая улун и ехать по утреннему проспекту. Я радуюсь, когда у меня имеется возможность помочь друзьям. Вообще, знаете, с годами я поняла: не важно то, что у тебя есть, – важно то, умеешь ли ты видеть и ценить красоту жизни.

На выразительном лице мужчины вдруг отпечаталась зависть:

– Круто. Я бы хотел получить такой опыт, как у вас. Да, я читал об этом – клиническая смерть все меняет.

«Скоро ты получишь похожий опыт», – подумала я, испытывая горечь.

Молодой, красивый. Очень искренний, настоящий. Мог бы еще пожить. Не помню, есть ли у него дети? Жена, кажется, точно есть, ее именем названа модель ноутбука для девушек.

– Да, да. Вы все правильно сказали. Чем меньше привязанностей и желаний – тем сильнее человек. Но для того, чтобы избавиться от привязанности, надо сначала ее получить. Мой отец мог себе позволить только старенький автомобиль. А я в детстве мечтал о крутой тачке. Купив пять машин, я стал часто ездить на работу на велосипеде. Мне нравится. Значит, вашей внучке... А это точно ваша внучка? Может, фотография для того, чтобы шутить с парнями?

– Никаких шуток. Все очень серьезно! Мне сто пятьдесят лет.

– Ладно, – он подошел к витрине и извлек последнюю модель гринфона, инкрустированную бриллиантами. – Мой подарок вашей внучке.

Я покачала головой, достала пластиковую карту.

– Вы что, хотите, чтобы ребенка убили? Мне что-нибудь попроще, с минимальной памятью. И я оплачу.

Консультанты, как джинны, опять материализовались перед нами и с явным облегчением принялись за свою работу.

Не удержавшись, я спросила:

– А что вы тут делаете?

– У меня вилла на Джумейре¹⁵. Вообще я часто бываю в Арабских Эмиратах. Тут спокойно, можно хорошо поработать. На Манхэттене за кепкой и очками не спрячешься. Здесь меня вообще никто не узнает. И это классно! Внимание людей меня напрягает. Я сам выбираю, с кем и где общаться. Как с вами, например.

– Я должна чувствовать себя польщенной? Но я ничего такого не чувствую, – я ввела пинкод, потом мельком посмотрела на переданный мне вместе с картой чек. Телефон обошелся

---

¹⁵ Элитный район Дубая.

долларов на 80 дешевле, чем в Москве; не сказать, что такая уж серьезная экономия с учетом невозможности воспользоваться гарантией.

Забрав пакет с коробкой, я задумчиво посмотрела на Джонни.

Почему мне не хочется уходить, не предупредив его о смертельной опасности?

Я знаю: никто не должен стоять на перекрестке судьбы – сомнет так, что мало не покажется.

Но и безучастно смотреть, как человек идет напрямиком к катастрофе, тоже невозможно...

Он истолковал мой взгляд по-своему:

– Даже не сомневайтесь, с удовольствием составлю вам компанию. Куда вы собирались?

Пройтись по магазинам? А хотите на Бурдж-Халифу?

– Хочу, – вырвалось у меня. – Только гид говорила, что билеты надо заранее покупать.

– Пойдемте, – надвинув на глаза кепку, он схватил меня за руку и пулей вылетел из магазинчика.

«Блин, ваше спятила тетка на старости лет, – заругала я себя мысленно. – Что я делаю тут, с молодым миллиардером, держащим меня за ручку?! Мало мне проблем с Денисом, так еще этот американец стал клеиться. А если его узнают? А если кто-то сделает фото? Как я буду потом объясняться с Ленкой? И Джонни этот – идиот. Что, супермодель было слабо найти, если уж решил погулять? Хотя, конечно, тут не в моей внешности дело. Он даже сам не осознает, что делает. Умирающий хватается за последнюю соломинку. И уверен, что все ок, надпись на футболке соответствующая...»

Джонни протащил меня мимо очереди, подошел к охраннику и показал ему какую-то карточку. Нас сразу пропустили через турникет, и мы оказались в торце длинного коридора.

– У нас тут офис, – шепнул Грин, косясь на приблизившихся к нам китайских туристов. – Представительство в Эмиратах. А еще, – выражение его лица стало совсем мальчишеским, предвкушающим новую игрушку, – я выиграл тендер на застройку земли. Слушай, тебе вообще интересно то, что я рассказываю?

– А это имеет значение?

Он рассмеялся:

– Опять ты меня поймала. Ты не подумай, я не заносчивый. Но я сколько себя помню – как по программе живу. Четко знаю: сначала надо сделать так, потом вот так. Каких-то людей я отсекаю, если они начинают мешать. Я думаю, они могут обижаться на меня. Но я должен следовать своей программе.

– У тебя миссия, – я улыбнулась. – И она невыполнима.

Его глаза стали серьезными:

– Конечно, миссия. Мой интеллект облегчил жизнь миллионам людей. А сейчас у меня такое странное чувство...

– Какое?

– Как будто бы я шел по лестнице, и ступени закончились. Ерунда!

– А если нет? – вырвалось у меня, прежде чем я успела подумать. Потом добавила: – Никто из нас точно не знает, что будет завтра.

Он беззаботно рассмеялся:

– Завтра меня не волнует. А сегодня я встретил забавную женщину. Ты интересная.

– Мой муж тоже так считает.

– Наташа, мы в очень консервативной стране. К замужним женщинам я отношусь с уважением. Да, я позволил себе пару намеков, но это все твои духи.

Мы остановились у лифта, где уже собралась группа туристов.

Внутри кабины, стремительно взлетающей ввысь, у меня заложило уши.

– Потерпи, – шепнул Джонни, отодвигая прядь моих волос. – Смотровая площадка на сто двадцать четвертом этаже. Подъем займет меньше минуты.

Через пару секунд действительно раздался негромкий мелодичный звук, двери распахнулись, и мы оказались среди облаков, ветра, сияющих огней, звезд...

Панорама ночного Дубая оказалась настолько потрясающей, что у меня на глазах выступили слезы. Я старалась запомнить простирающуюся передо мной красоту – и понимала, что у меня не хватит никаких слов, чтобы описать хотя бы ее подобие...

Глава 3

Перуджа 1501 – Сиенна 1504

Перед светло-серым домом с богатой лепниной, где располагалась мастерская Перуджино, Рафаэль замедлил шаг.

– Волнуешься? – сочувственно поинтересовался Пьяндимилето, вытирая выступившие на лбу капли пота рукавом белоснежной сорочки.

Облизнув пересохшие губы, Рафаэль кивнул.

– Волнуюсь. Наверное, первый раз после того, как отец вернулся от маркизы Изабеллы д'Эсте, весь измученный болотной лихорадкой. Вот тогда мне еще было больно и страшно. Потом...

Подмастерье, назначенный согласно завещанию Джованни Санти душеприказчиком, горько вздохнул.

– Я думаю, не капризная графиня-заказчица и не болотная лихорадка доконали твоего отца. А эта его молодая змея Бернардина! Ладно, что уж сейчас об этом говорить.

– Конечно. Папа умер, его не вернешь. Бернардина вечно судится с нами, пытаюсь заполучить то дом, то деньги, то дом заодно с деньгами. Меня спасала мастерская, мои картины. Я просто уходил туда, в краски и образы, и мне было хорошо. Там долгое время я не чувствовал ни волнений, ни тревог. Я ведь потерял все, что мне было дорого. Чего еще бояться?

– Пойдем же, – Пьяндимилето толкнул кованую калитку и сделал несколько шагов по выложенной крупным булыжником дорожке. – Джованни мечтал, чтобы ты учился у Перуджино.

Сжимая папку, в которой были рисунки, Рафаэль последовал за верным другом, сопровождавшим его с того самого момента, как он решил уехать из Урбино и полностью посвятить себя живописи.

Войдя в дом, они сразу же наткнулись на подмастерье Перуджино, Бартоломео ди Джованни. Когда-то отец знакомил с ним Рафаэля, но поприветствовать Бартоломео молодой человек не успел.

– Мастера нет. Уехал во Флоренцию к семье, будет на следующей неделе, – выпалил подмастерье. На его щеках проступили красные пятна, и Рафаэль сразу же понял, что мужчина беззастенчиво врет.

И, правда, в то же мгновение с лестницы раздалось громогласное:

– Рафаэль, приветствую тебя, мой мальчик! Ты стал совсем большим! Твой отец много рассказывал о тебе!

Коварный Бартоломео побагровел от стыда и тут же испарился.

Перуджино спустился, отер выпачканные краской руки о фартук и выхватил папку из рук Рафаэля.

– Твои работы? Алтарный образ – недурно! Я бы даже сказал, хорошо. Но только надо добавить жесткости. Четче линии, ярче краски. Ты пишешь слишком нежно. И приодень святых, они у тебя почти полностью обнажены!

Вернув папку Рафаэлю, Перуджино потрепал его по плечу:

– Рад был повидать тебя, мой мальчик. Забегай при случае!

Он уже повернулся, чтобы уйти, когда Пьяндимилето пришел в себя:

– Эй, подождите! Разве вы не возьмете в ученики сына Джованни Санти?

Перуджино повернул голову:

– Упокой Господь душу Джованни. Талантливый был художник. А в ученики взять не могу. Слишком много заказов, постоянно в разъездах. Подмастерья давно имеются. Да и не

нужен Рафаэлю учитель. Он уже знает и понял довольно для самостоятельной работы. В Перудже достаточно моих работ, пусть посмотрит. Все равно я не смогу дать больше, чем есть на тех картинах¹⁶.

На обратном пути Пьяндимилето ворчал не умолкая:

– Это ж надо! Презреть волю покойного! А ты видел, как он смотрел твои работы? Да он просто завидует твоему дару! Вот поверь мне – он учуял соперника в тебе! Увидишь, еще и копировать твою манеру станет!

Рафаэль, чтобы не обидеть своего верного спутника, согласно кивал, но в глубине души совершенно не обижался. Ведь вокруг столько красоты, столько жизни! Яркое солнце бросает блики на изумрудно-зеленые виноградные листья, вниз стекают тонкие полупрозрачные тени. От восторга перед бездонной синевой неба захватывает дух. А как нежны женские лица! Сколько неопишуемого любопытства в глазах ребенка, еще неуверенно делающего первые шаги свои, но уже бесстрашно стремящегося познать этот мир...

Невероятно велик Господь, невероятно красивы славные творения его...

– А ты, похоже, зла на него не держишь, – буркнул Пьяндимилето, недовольный молчанием улыбающегося своим мыслям Рафаэля. – Ну что, осмотрим то, что тут натворил Перуджино, и вернемся в нашу мастерскую?

– Хорошо. Я думаю, сегодня мы посмотрим его фрески, которые выполнил он в здании биржи. – Рафаэль поправил сползшую на глаза беретку и проводил задумчивым взглядом удаляющуюся горожанку. Волосы девушки были забраны в высокую прическу, однако из нее выбивалось несколько завитков, подчеркивающих бархатистую нежность белоснежной шейки. – Ты голоден? Я бы зашел в таверну.

– Тогда надо повернуть вот сюда, – Пьяндимилето дернул Рафаэля за рукав. – Тут есть одно местечко, где всегда подают свежайший сыр, изумительные оливки и холодное молодое вино!

Возвращаться в Урбино Рафаэлю не пришлось. Он не успел еще осмотреть все работы Перуджино, а Пьяндимилето уже договорился о работе. Плата за заказ – фрески для строящейся церкви – была совершенно смешной; может, четверть того, что запросил бы за такую работу Перуджино. Но Рафаэль с радостью взялся за заказ. Только вот ляпис-лазурь пришлось заменить более дешевым лазуритом¹⁷ – иначе заказ не только не принес бы дохода, но и совершенно расстроил бы их денежные дела.

Как-то вечером Пьяндимилето привел Рафаэля к дому на окраине города и лукаво улыбнулся.

– Там тебя ждут прекрасные девушки. Хватит тебе уже монахом жить! – И он вложил в ладонь Рафаэля несколько монет. – Пришло время становиться взрослым!

Художник улыбнулся и быстро направился к воротам...

Вернулся в нанятые в Перудже комнаты он под утро.

– Ну что, как все прошло?

Спросонья Пьяндимилето споткнулся, влетел головой в угол мольберта, и на его лбу тотчас же стала расти и наливаться синевой внушительная шишка.

– Все было чудесно, – Рафаэль старался, чтобы его голос звучал спокойно, хотя ему очень хотелось расхохотаться. – Девушки оказались милыми и нежными.

– Там есть одна такая рыжеволосая бестия... – Пьяндимилето закатил глаза и причмокнул. – Она – это что-то.

---

¹⁶ Среди биографов Рафаэля нет единства во мнении, действительно ли Рафаэль был учеником Перуджино. Мне более аргументированными показались источники, в которых отрицался факт отношений учитель – ученик.

¹⁷ Как указывается в литературе, в те годы материалы и краски для работы художники приобретали за свой счет.

– Да-да, – художник попытался незаметно положить альбом с набросками, которые он сделал сегодня ночью. – Рыженькая – это что-то!

Рассказывать Пьяндимилето о том, что плотская любовь оказалась приятным, но, в сущности, совершенно малоинтересным делом, Рафаэлю не хотелось.

Его друг, постоянно ворчащий из-за того, что все свое время Рафаэль проводит за работой, только разразился бы новой порцией брани.

Но девушки легкого поведения, как оказалось, могут предложить кое-что поинтереснее постельных утех. Они радостно и с удовольствием позируют обнаженными. Если натурщиц всегда требуется уговаривать хотя бы расшнуровать платье, то проститутки снимают с себя все, вплоть до нательных сорочек, принимают любые позы, позволяющие изучить анатомию женского тела. Одна минувшая ночь дала в плане понимания пропорций женщин больше, чем месяцы работы с натурщицами!

Рафаэль очнулся от своих мыслей, поняв, что Пьяндимилето шелестит страницами его альбома. Отложив рисунки, он покачал головой.

– Вот это да! Ты чем всю ночь занимался? Набросками?! Ты вообще в каком мире живешь?!

– В самом прекрасном! – искренне признался Рафаэль, чувствуя себя, несмотря на бессонную ночь, полным сил и совершенно счастливым.

Он действительно видел жизнь как невероятно красивый мир – яркий, чистый, светлый. Хотя боль в него тоже порой врывалась – мучительная и непонятная...

«Ах да, помню – Пьяндимилето говорил: в городе беспокойно, – Рафаэль, направлявшийся в мастерскую Перуджино с тем, чтобы выяснить особенности техники его новой фрески, с удивлением вертел головой по сторонам. – Поэтому закрыты все лавки и таверны, и на улицах ни души. Наверное, люди просто боятся выходить из домов. Только бы Перуджино не сбежал от беспорядков во Флоренцию».

Путь художника лежал через главную площадь, которую он пересекал бесчисленное количество раз.

Но в тот день Рафаэль не узнал ее.

Вместо торговцев, расхваливавших свои товары, на площади возвышался помост с несколькими виселицами. Ветер раскачивал висевшие в петлях трупы, толпа горожан, наблюдавших за этим зрелищем, негромко гудела.

– Сигнали, как скот. Какие же они нелюди, семейство Бальони!

– Да, победили семью Одди и решили перерезать их, как куропаток!

– А у меня жена на сносях. Все равно дома остаться не позволили. Сейчас еще родит тут, не приведи Господи!

Голоса, доносившиеся до Рафаэля, были негромкими. Он понял: горожанам панически, до тошноты страшно.

Тем временем палачи убрали трупы, сунули в петли новых людей, выбили опоры из-под их ног.

Закрутивший колючие вихри ветер вдруг непостижимым образом сорвал веревку с шеи одного из несчастных. Воистину произошло чудо: приговоренный к казни хотя и болтался в петле, не успел задохнуться.

«Попадят его. Есть же такая примета – волей Бога дарована жизнь ему», – пронеслось в голове у Рафаэля.

В тот же миг к счастливо улыбнувшемуся мужчине метнулся палач и ловко перерезал бедолаге горло.

От жестокости убийц и разгулявшейся непогоды в толпе началась паника. Люди обступили Рафаэля со всех сторон, дышать стало тяжело. Но когда ему уже начало казаться, что все кончено, его спас перстень с изумрудом, с которым художник никогда не расставался. Крупный

камень зацепился за платье беременной горожанки. Ее муж, пробивавшийся вперед, сумел освободить проход, потащил за собой и жену, и теряющего сознание художника...

– Надо уезжать из этих мест, – заявил Пьяндимилето, когда Рафаэль поведал ему о своих злключениях. – Ты паришь в облаках, думаешь об ангелах. А мир жесток, мой мальчик. В этих беспорядках тебе в два счета могут свернуть голову!

Рафаэль пожал плечами:

– Смерть меня не пугает. Там, на площади, мне и страшно-то не было. Но я весь измучился. Никак не могу понять людей. Они видят те же солнце и небо, что и я. Почему мне этого достаточно для счастья – а они убивают друг друга?

– Потому что ты немножко чокнутый, – в голосе опекуна зазвучала нежность. – На тебе знамение Божье. Жизнь твоя должна пройти во славу Божью. И я не позволю, чтобы кто-нибудь походя вышиб твои гениальные мозги!

Пьяндимилето все устроил. В Перудже как раз находился художник из Сиены Пинтуриккьо. Опекун договорился, что тот заберет с собой Рафаэля и позволит тому работать в его мастерской. А сам засобирился в Урбино – мачеха затеяла новую судебную тяжбу, и надо было срочно возвращаться домой, чтобы спасти хотя бы остатки наследства Рафаэля.

– Надеюсь, в Сиене тебе будет хорошо, – при прощании у Пьяндимилето градом лились слезы. – Я буду скучать по тебе.

– Я тоже, – соврал Рафаэль.

В сущности, грустить по людям было ему не свойственно, его волновало в жизни только одно – чтобы был угол, где можно поставить свой мольберт.

Мастерская в Сиене оказалась замечательной – светлой, просторной. Она напоминала мастерскую отца, и Рафаэль подумал, что, должно быть, рисовать тут ему будет легко и радостно.

Однако он ошибся.

Насколько приятно было работать рядом с молчаливым Пьяндимилетто – настолько невыносимым оказался новый сосед и хозяин мастерской Пинтуриккьо.

Его рот не закрывался ни на мгновение. Он постоянно жаждал обсуждать все на свете: погоду, картины, соседей, еду. Причем ему было мало самому сотрясать воздух. Он нуждался в поддержке и одобрении, то и дело засыпал Рафаэля вопросами:

– Ну, ведь я прав? Я правильно поступил?

Погруженный в свои мысли, художник то и дело отвлекался, пытаясь понять, в чем именно был прав или не прав сосед.

Вдобавок Пинтуриккьо оказался весьма и весьма равнодушен к натурщицам. Он то и дело шутил с ними, пытался помочь им снять одежду, девушки визжали...

Получив деньги за первый же заказ, Рафаэль нанял собственную мастерскую – и вздохнул с облегчением.

Бродя по городу в поисках натурщицы, он как-то заметил невероятно красивую девушку с грустными глазами. Она выходила из церкви, и ее лицо показалось Рафаэлю самым чистым и прекрасным на свете.

«Вот черты моей новой мадонны», – решил он, устремляясь за тонкой фигуркой в неброском, но очень красивом светло-розовом платье.

– Вы художник? Позировать вам? Нет, нет! – Девушка замахала руками, бросила на Рафаэля испуганный взгляд и поспешила уйти.

Настойчивость была не свойственна художнику.

Но когда от тебя удаляется твоя лучшая картина и ты еще не успел впитать в себя и запомнить тонкие брови, и нежный румянец, и плавную округлость груди – то можно сделать все, что угодно.

Рафаэль обогнал незнакомку и упал перед ней на колени.

– Как вас зовут? Умоляю вас, всего пару сеансов! Я не причиню вам вреда. Если вы не согласитесь – я погибну...

К огромному его облегчению, она улыбнулась:

– Я – Джойя. Не погибайте, пожалуйста. Так и быть, приду – если это ненадолго.

– Ненадолго, ненадолго, – поспешил заверить красавицу Рафаэль, отряхивая штаны от пыли. – Позвольте проводить вас!

Джойя кивнула, и художник снова радостно улыбнулся.

Отлично! Если вдруг все-таки Джойя передумает и не дойдет до его мастерской – он подкараулит ее возле дома и уговорит, должен уговорить, обязан!

Но Джойя не подвела, пришла на сеанс, послушно села в кресло с книгой на коленях.

Немногословная, застенчивая, она казалась Рафаэлю ангелом во плоти. И художник просто разрывался между двумя противоречивыми желаниями. Вдохновение толкало его как можно скорее закончить картину. Нежность и тоска по Джойе умоляли писать как можно медленнее.

Увидев свой портрет¹⁸, девушка разрыдалась.

– Как прекрасна Мадонна! Какой хорошенький мальчик, младенец Иисус! А у меня никогда, никогда не будет своего ребенка!

Сердце Рафаэля разорвалось от жалости. Он обнял Джойю и прошептал:

– Конечно, будет! Ты так юна и красива! Ты полюбишь хорошего человека, он возьмет тебя в жены, и у вас будет много детей!

Она чуть отстранилась, с болью посмотрела в его глаза:

– Чудак ты. Ты точно сам веришь в то, что говоришь? Веришь, вижу, веришь... Ты чистый и добрый, потому я и согласилась прийти. А в жизни все не так. Я полюбила, как мне казалось, хорошего человека. Только узнав о том, что у нас будет ребенок, он не женился. Он бросил меня. И от горя ребенка я потеряла. Столько много крови вытекло, ужас. Думала, что умру. И даже хотела, чтобы Господь забрал меня. Но не умерла почему-то...

Закончив говорить, она сама поцеловала застывшего Рафаэля прямо в губы. А потом расстегнула платье и положила руку художника на свою грудь, прямо туда, где быстро-быстро колотилось ее сердечко.

И хотя не было никаких сомнений в желаниях Джойи, Рафаэль чувствовал себя смущенным.

Ему казалось, что он своей жадной распалившейся плотью обидел прекрасного нежного ангела...

Но Джойя все приходила в его мастерскую. Говорила о любви, рассматривала картины, улыбалась. И Рафаэль стал чувствовать себя невероятно счастливым.

Он любит. Он любим. Как же это придает сил! И окрашивает жизнь еще более яркими сочными красками!

– А я тебя недооценил! Тоже мне, тихоня! Окрутил любовницу знатного банкира – и не боишься ничего!

Столкнувшись на рынке с Пинтуриккьо, Рафаэль опешил и чуть не выронил головку прекрасного свежего сыра.

– Это ты о чем, приятель?

– Да ладно тебе! Вся Сиена уже знает, что ты спишь с Джойей!

– Мы любим друг друга, – просто сказал Рафаэль.

– Ну, любит-то она, может, и тебя, – на лице приятеля промелькнуло сочувствие. – А вот спит не только с тобой, но и с банкиром. Послушай, ты бы лучше уехал из наших мест. Не хочу

---

¹⁸ «Мадонна Солли», Берлинский государственный музей.

тебя расстраивать, но ты не первый любовник этой девицы. Год назад банкир нанял головорезов, и тому парню, с которым Джойя наставляла рога своему покровителю, перерезали горло!

Послушав совета приятеля, Рафаэль на следующий же день покинул Сиену. Он понял, что приятель прав и Джойя многого не говорила ему.

Наличие банкира-любовника все объясняло: и их встречи только по утрам, и напряженную складку между тонких бровей девушки, когда они вдвоем шли по улице. Конечно же, она могла свидетельствовать только о том, что Джойя опасается, как бы ее не увидели в обществе художника и не доложили об этом ее покровителю.

«Я нарисовал в светлом образе падшую женщину, – думал Рафаэль, глядя на проносившиеся за окошком кареты улицы Сиены. – Наверное, это не очень правильно. Но что сейчас я могу изменить? Мир большой, я хочу доверять людям. Если они обманывают – это их дело. А я не стану жить в ожидании боли и удара...»

* * *

Возможно, со стороны мы напоминали влюбленную парочку. Прошлись по огромному тоннелю-аквариуму, разглядывая стайки ярких, как цветы, рыбок. Поглазели на поющие фонтаны, рисующие под великолепный голос Уитни Хьюстон замысловатые завитки. Потом съели мороженое, зачем-то дополнили его в другом кафе суши, после чего Джонни вдруг вспомнил, что самое вкусное в Дубае – финики в шоколаде, и сразу же потащил меня в супермаркет, купил большую коробку. Устроившись напротив вновь запевших фонтанов, мы уничтожили и финики – они, и правда, оказались очень вкусными, рука так и тянулась к лакомству.

– Слушай, не понимаю, что со мной происходит, – с набитым ртом (что, как ни странно, совершенно его не портило) пробормотал американец. – У меня никогда не было такого аппетита! Мой тренер по йоге будет недоволен. Ладно, пообещаю ему больше времени провести на беговой дорожке.

Зато я прекрасно понимала, почему Джонни так тянет ко мне и почему он с таким наслаждением набросился на еду.

Когда душа готовится к выходу из тела и чакры закрываются, получение человеком энергии ограничивается.

У Джонни очень высокий энергетический потенциал (думаю, отчасти это обусловлено врожденным «базовым пакетом», отчасти наработано – он же сам признался, что практикует йогу). У него мощное энергетическое поле – как у нескольких человек, вместе взятых. Но даже он, как и все люди, постоянно получает энергию через чакральную систему. Сейчас ее приток ограничен. Энергия, получаемая через пищу и еду, – она другая и не может заменить ту, которую организм получает через чакры. Мы долго обсуждали это все с Денисом. По его наблюдениям, закрытие чакр может начинаться за неделю-две до выхода души из физического тела. И да, вначале у готовящегося к переходу человека может наблюдаться повышение аппетита – но ненадолго, он понимает, что не энергия пищи нужна, что не заменить недостающего сытостью. Потом аппетит пропадает, появляется бессонница. Все тоньше связи души и тела. Все сильнее готовящегося к переходу человека мучают дурные предчувствия.

Конечно, рядом с Денисом, обладающим более сильной энергетикой, чем у меня, Джонни было бы еще лучше. Но за неимением настоящего мощного генератора он «вампит» то, что находится в непосредственной близости. Мое энергетическое поле немного сильнее, чем у обычных людей. И это качественно другая энергия. Я вижу астральные тела умерших и внутренние органы живых. Это значит, что, вернувшись в физическое тело после клинической смерти, я принесла с собой и высокочастотные энергии тонкого плана. Это похоже на навык плавания: один раз научившись, рефлекс всегда будет с тобой. У всех людей, которые переживали клиническую смерть, начинается другая жизнь: с новыми знаниями, необыч-

ными способностями. Кстати говоря, еще можно поспорить, что лучше: быть посвященным в нюансы взаимоотношений человека и Высших сил или находиться в беззаботном неведении. Иногда, общаясь с мертвыми, я каждой клеточкой чувствую все их муки, предшествовавшие разделению с физическим телом. И тогда я малодушно хочу вернуться в прошлое, где все было намного понятнее. Пытаюсь пристыдить себя, напомнить, что никогда Бог не дает человеку креста, который ему не под силу. Но моменты недовольства и сомнений все равно присутствуют.

Через «семерку» Джонни чувствует дополнительный приход моей энергии – и поэтому ему не хочется со мной расставаться...

«Посмотри, пожалуйста. Рядом со мной человек с закрытыми чакрами. Можно ли предотвратить его смерть?» – написала я Денису, отправила смс. А потом глянула на часы и ужаснулась: почти три ночи! А если парень не один? Я бы на месте его Юльки все глаза выцарапала за ночную переписку! Или не выцарапала бы? Все-таки повод более чем серьезный...

– Что, твой муж не отвечает? – Джонни ехидно улыбнулся. – А почему он не приехал вместе с тобой? Я бы тебя никуда не отпустил!

Я не осталась в долгу:

– А где твоя жена? Кажется, Мэри – это в честь ее названа модель ноута для девушек?

– А Мэри здесь, в Дубае, на вилле. Она всегда путешествует вместе со мной. Мэри – талантливый дизайнер, она может работать в любом уголке мира.

– У вас есть дети?

Он кивнул:

– Двое своих и трое усыновленных. Дети в Америке с няней. Им надо ходить в колледж.

– Твоя Мэри не очень-то ревнива.

– Вообще мы с женой договорились не претендовать на физическую свободу друг друга.

Секс – это менее важно, чем то, что есть между нами.

Я заинтересовалась:

– У вас есть любовники и вы спите друг с другом?

Он пожал плечами:

– Если нам хочется. На самом деле я не сексуальный маньяк, правда. Мэри говорит, что больше всего меня интересуют компьютеры. И она права, и...

Джонни стал сыпать какими-то техническими терминами, и я перестала его понимать.

Ответа от Дениса все еще не было.

На меня вдруг навалилась, как тяжеленная плита, усталость.

Должно быть, что-то подобное чувствуют после работы с большими экстрасенсы-целители. Как я понимаю, они лечат не своей энергией. Через них Высшие силы помогают (или не помогают) пациентам. Но, даже выступая как проводники, они теряют и собственную энергию. Я не умею работать с целительными энергиями тонкого плана. Джонни забрал часть моей собственной энергии. Мне надо побыстрее уйти от него, чтобы отдохнуть и восстановиться. И вместе с тем прощаться страшно: а вдруг мы расстанемся и он помрет? Ох, Денис... Мог бы уже и ответить, и...

Словно подслушав мои мысли, пискнул мобильник.

«Пусть снимет с пальца изумруд и выбросит в воду. Это может спасти его».

Мне сразу стало легче. По крайней мере, Денис предложил хоть какой-то вариант действий. Каждый раз, сталкиваясь с уникальными способностями Дэна, я удивляюсь, словно ребенок. Это же надо, увидеть кольцо на пальце моего спутника, находясь за тысячи километров! Как такое возможно?!

– А ты любишь своего мужа, – с ревнивыми нотками прокомментировал Джонни мое, видимо, изменившееся выражение лица.

– Конечно, люблю, – я решила не озвучивать детали своей смс-переписки и покосилась на перстень. А ведь он, как ни странно, мне сразу активно не понравился. Еще тогда, в гриншопе, мне казалось, будет лучше, если мужчина его снимет. – А ты любишь Мэри?

– Она – мой самый близкий и родной человек. Без нее я бы никогда не смог выполнить свою миссию.

– Откуда у тебя это кольцо?

Джонни схватился за перстень, попытался снять его – но костяшка пальца помешала это сделать.

– Я нашел его, когда мне было пятнадцать. Он показался мне старомодным. Надел на палец шутки ради. Снять его не получилось.

– Я вижу. И что, ты никогда не пытался решить эту проблему?

Он пожал плечами:

– Да я и не думал, что это проблема. Работать мне кольцо не мешало, бегать и плавать тоже. Привык к нему.

Я набрала в легкие побольше воздуха, сделала глубокий выдох и серьезно сказала:

– Тебе надо избавиться от этой вещи. Прямо сейчас. Иначе ты умрешь. Просто поверь мне.

В его взгляде промелькнуло веселье. Но он не стал смеяться и улыбаться. Наверное, почувствовал, что все очень серьезно.

– Пойдем, – он протянул мне руку. – В торговом центре полно ювелирных магазинов, думаю, что-нибудь они сделают.

Через двадцать минут все было кончено. Каким-то хитрым инструментом перстень сначала сплюснули, а потом растянули.

Мы вернулись на набережную. Как следует размахнувшись, Джонни выбросил украшение в дрожащую отражением звезд воду.

– Отвези меня в отель, – попросила я со спокойным сердцем.

Чакры Джонни оставались закрытыми. Но я решила, что нормализация их работы – это просто вопрос времени.

– В отель? – изумился американец, потирая палец с белой полоской, оставленной перстнем. – Я хочу пригласить тебя в гости, познакомить с Мэри.

– Спасибо за приглашение. Но я устала и хочу отдохнуть.

– Отлично. Я точно не помню, сколько на вилле спален. Может, что-то около двадцати.

– Ты наглый.

Он рассмеялся:

– Я знаю. Но людям с миссией это простительно. Я никогда не знакомился в гриншопках с женщинами, не гулял с ними по торговым центрам, не кормил финиками и не выбрасывал в Персидский залив кольца. Я никогда не был так откровенен, никогда не обсуждал секс и свою работу. И вот сейчас мне очень интересно, почему рядом с тобой все это произошло.

– А если мне это неинтересно? Я хочу в Шарджу, в свой отель!

Он схватил меня за руку и потащил к паркингу. По дороге пробормотал:

– Извини, но желания других людей для меня всегда менее важны, чем собственные.

Скоро мы уже мчались в какой-то красной дико ревущей машине, марки которой я даже не знала...

* * *

Увидев виллу Джонни, я невольно подумала, что у дома невероятное сходство с мобильниками и ноутами, которые выпускает его корпорация. Здание являло собой какую-то косми-

ческую конструкцию из серых стальных плит и голубого стекла. То ли звездолет, то ли гигантская пирамида, сложенная великаном из множества ультрабуков.

Внутренняя отделка тоже мерцала холодным металлическим блеском, немного смягчаемым малочисленной белой мебелью.

Наверное, мы вошли в цокольный этаж. Прошли мимо большого тренажерного зала, сауны, бассейна. И оказались в овальной комнате с прозрачным потолком и белым кожаным диваном, на котором в джинсах и футболке, с гринбуком на коленях, лежала худенькая блондинка. В ее ушах были наушники, наших шагов девушка явно не слышала.

– У Мэри привычка – работать по ночам в любом часовом поясе, – сказал Джонни, и в его голосе мне послышались теплота и нежность.

Он подкрался к ней сзади, заключил в объятия и чмокнул в щечку. Мэри повернула голову и, увидев меня, вздрогнула от неожиданности.

Девочки, как бы вы отреагировали, если бы благоверный появился под утро в компании посторонней бабы?

Я бы двинула сковородкой – сначала девке, потом супругу. Ну или наоборот – как получилось бы. А потом, может быть, поинтересовалась бы, что сие пришествие значит.

Жена Джонни, видимо, прошедшая суровую школу выживания рядом с миллиардером, вышколенно улыбнулась и с деланой приветливостью зашебетала:

– Привет, как поживаете? Я – Мэри, рада знакомству!

В ее глазах заплескались страх и тоска.

Интересно, через что пришлось переступить этой девочке? Через гордость, достоинство? Наверное, дома он ни в чем себе не отказывает – этот король девайсов? Притаскивает шлюх, устраивает совместные оргии? Употребляет кокаин?

Когда у человека есть такая сила, как у Джонни Грина, – в общепринятых рамках приличия оставаться сложно. Он отдает миру гениальные творения. И с той же страстью разрушает себя.

Я права. Иначе во взгляде Мэри не было бы страха...

Пожимаю протянутую мне лапку.

Отсыпаю пригоршню приветливых банальностей: тоже рада, поживаю замечательно, чудесный дом.

Все это дается мне с большими усилиями.

Я чувствую себя выжатой как лимон. Очень хочется спать. Я понимаю, что Джонни продолжает поглощать мою энергию – и он, наверное, сожрал ее уже слишком много. Инстинкт самосохранения отключился. Мне совершенно все равно, что со мной происходит. Теперь я – отороженная красавица из старой советской сказки. «Что воля, что неволя – все одно» – помните?

– Я принесу выпить, – говорит Мэри. И мне кажется, что я слышу ее голос, находясь внутри стилового ледяного замка. – Что вы предпочитаете?

– Минеральную воду без газа.

– О, это несерьезно! В стране, где алкоголь запрещен, вы просто обязаны выпить что-нибудь покрепче, – восклицает Джонни и вдруг бледнеет.

Любящее сердце – мощный локатор. Мэри уже возле мужа, встревоженно глядя в его глаза.

Вместо ответа Джонни вытаскивает из кармана руку, разжимает пальцы. На его ладони изумруд. Лишенный золотой оправы, он стал еще красивее. Электрический свет разбивается в его гранях сотней зеленых бликов.

– Это из твоего кольца камень? – взволнованно интересуется Мэри. – Ты снял свое кольцо? Вот и хорошо, оно никогда мне не нравилось.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Грин, ошеломленно глядя на камень. – Наверное, он выпал из перстня. На набережной было темно. Я особо не вглядывался, что выбрасываю. А сейчас сунул руку в карман – и там оказался изумруд.

Я смотрю на Джонни Грина, и мне становится страшно. Я вижу, как из седьмой чакры, расположенной на макушке, начинает подниматься едва различимый столбик пара.

Денис рассказывал, что происходит потом. Столб темнеет, и, как яркая точка, душа взмывает вверх.

Я не видела прежде этого со стороны – но я сама была в такой ситуации, когда переживала клиническую смерть и выходила из физического тела. Этот темный столб душа видит как тоннель, в конце которого сияет яркий свет божественной любви и спокойствия.

Совладав с собой, я схватила мобильник и набрала номер Дениса.

Он ответил через пару секунд сонным-пресонным голосом.

– Дениска, изумруд вывалился из кольца. Он сейчас с тем человеком. Что нам делать? Вызывать «Скорую»? Бежать выбрасывать камень в воду? Я могу это сделать за него? Мужчина выглядит слабеющим. Похоже, все развивается стремительно.

Денис замолчал, наверное, пытаюсь сосредоточиться и настроиться на Грина.

Потом я услышала его грустный вздох.

– Наташ, прости меня. Я ошибся. Этот мужчина уйдет в любом случае, как бы ты за него не боролась. Ты оказалась не в том месте и не в то время. Ты ничего не изменишь. Прости. Я не видел, что с тобой так случится. Будущее многовариантно. И я не знаю, что тебе делать и что мне делать, как помочь. Мне повисеть на линии? Я могу говорить с тобой. Если это нужно, если это тебя успокоит.

– Сначала я вызову врача, – решила я и прервала разговор.

От волнения слово «скорая» на английском вылетело у меня из головы.

– Надо позвонить врачу. Джонни может быть плохо. Это плохой камень, – сказала я, протягивая ладонь. – Отдай мне изумруд.

Джонни передал мне камень, а Мэри пробормотала:

– На вилле есть доктор, позвать его?

– Да. Но надо позвонить и другим докторам, которые приезжают на машине. Спасать жизнь, быстро. Реанимация, понимаешь?

Мэри кивнула и быстрым шагом удалилась.

Грин, казалось, слабел прямо на глазах. Он сел на диван, откинул голову и тяжело задышал.

Я почувствовала, что надо унести этот проклятый камень как можно дальше от Джонни. Вода, не вода – неважно. Просто подальше от него.

– Я скоро буду, – прошептала я, выбегая из комнаты.

Что было потом – помню плохо.

Пол вдруг ударил меня по лицу, одновременно с этим я услышала хруст в затылке – и мир выключился.

Я пришла в себя от дикого крика Мэри.

Приподнялась на локтях и застонала.

С того места, где я лежала, был виден белоснежный диван, залитый кровью. Похоже, у Джонни было перерезано горло. Упав на колени, Мэри пыталась зажать руками заливающий все вокруг алый фонтанчик...

Глава 4

Рим, 1509–1520, Себастьяно Лучани

«Нет, не таким представлял я себе Рим, – думал художник Себастьяно Лучани¹⁹, пробираясь по узким, грязным и шумным улочкам. – На развалинах Форума пасутся козы, Колизей стал пристанищем бродяг и грабителей, руины великолепных дворцов на Авентийских холмах превращены в притоны, где властвуют разврат и похоть. Повсюду валяются кучи мрамора, и в них различимы то изящная рука статуи, то капитель дорической колонны. Вместо того чтобы восстанавливать былую красоту, все это дробят, измельчают, дабы использовать в современном строительстве. Действительно, в Риме полный бардак. Венеция в плане порядка и уважительного отношения к искусству нравится мне куда больше. Но здесь Рафаэль, и...»

При мыслях о гениальном Рафаэле сердце Себастьяно Лучани забилось сильнее.

Он снова словно увидел себя, уже признанного ученика Тициана, стоящего с открытым ртом перед алтарным образом в церкви Сант-Агостино²⁰.

Конечно, разговоры о молодом гениальном урбинце велись среди художников давно. Молва приписывала ему невероятную легкость в пейзажах, и ангельскую красоту лиц, и совершенное чувство пропорций тела и объема пространства. Но Себастьяно в глубине души считал, что сила таланта Рафаэля значительно преувеличена. Так часто нахваливают загадочных красавиц. А встретишь их в церкви, присмотришься – и поймешь, что ничего особенного в принципе в девушках нет.

Но когда довелось воочию увидеть работу Рафаэля – у него просто заняло дух. Техника Рафаэля – простая, светлая, наполненная воздухом, заставляла сразу же позабыть о том, что стоишь перед картиной. Изображение манило в глубь себя, и в нем было легко, тепло, солнечно – даже лучше, чем в настоящей жизни.

Себастьяно потерял покой. Как только у него выдавалось время между заказами, он колесил по Флоренции, рассматривая невероятных мадонн Рафаэля и не менее выразительные портреты знатных заказчиков. Потом, надышавшись картинами гения до головокружения, он пытался писать тем же стилем – но собственные работы все равно казались ему слишком темными, мрачными, тяжелыми.

Себастьяно казалось, что он впитал в себя каждый штрих, от «Обручения девы Марии Иосифу» и «Мадонны Конестабиле»²¹ до «Мадонны Грандуки», «Мадонны со щегленком» и «Прекрасной садовницы»²². Он мог легко представить малейшие нюансы и детали рафаэлевской манеры. Но только осветить свой холст хотя бы подобием того света, который щедро струился с работ урбинца, у него не получалось.

Рафаэль был невероятно, непостижимо плодовит. Над большим портретом для дворца или алтарным образом другой художник мог работать и полгода, и год. Рафаэль же писал своих мадонн буквально за пару недель, и при этом они выходили настолько совершенными, как будто бы на холсты были потрачены годы упорнейшего труда.

Когда до Венеции дошли вести, что Рафаэль в Риме и ему даже заказали расписывать станцу²³ Ватиканского дворца, Себастьяно Лучани окончательно утратил сон, аппетит и интерес к жизни. Собственная работа, хотя и хвалимая заказчиками, ему опостылела. «Пойду

---

¹⁹ В историю живописи вошел под творческим псевдонимом Дель Пьомбо.

²⁰ «Коронование св. Николы из Толентино», город Читта ди Кастелло.

²¹ Ранние работы Рафаэля.

²² Работы Рафаэля «флорентийского» периода.

²³ Комнату.

к урбинцу просто учеником, – решил он с отчаянием. – Говорят, Папой заказаны фрески на все стены, работы большие. Ему, должно быть, нужны люди. Все равно пока я не смогу хотя бы немного научиться тому, что может Рафаэль, – не будет мне покоя».

И вот от мечты – мастерской великого гения – Себастьяно отделяют всего каких-нибудь несколько улиц...

Перед тем как отправиться к Рафаэлю, художник зашел в таверну, выпил охлажденного вина, спросил воды, чтобы почистить запыхавшийся костюм и башмаки. И, невероятно волнуясь, продолжил свой путь.

– А нашего мастера нет, – отворивший дверь юноша с перепачканным краской лицом сразу же посторонился, давая возможность гостю войти. – Но вы подождите его, он скоро будет.

Себастьяно украдкой оглядел мольберты учеников Рафаэля и завистливо вздохнул. Похоже, урбинец не только гениальный художник, но и хороший учитель.

«Что ж, если он их научил так писать – научит и меня, – Себастьяно пытался унять охватившее его раздражение. Какие-то мальчишки легко переняли манеру Рафаэля, а он, признанный художник, так и не смог продвинуться по этому пути. – Я верю: у меня достаточно таланта для того, чтобы постичь Рафаэля, а потом превзойти его. Я готов отдать этому всю свою жизнь».

Тем временем один из учеников, смуглый и высокий (Себастьяно слышал, как его называли Джованни), очевидно, продолжил нарушенный появлением гостя рассказ.

– И вот, значит, Леонардо да Винчи решил спросить у Микеланджело его мнение о Данте. А Микеланджело как сверкнет глазами: «Чем спрашивать меня о Данте, вы бы лучше подумали о миланцах! Вы оставили их с носом, не выполнив заказ на конную статую!» Микеланджело нахамил, ну и в своей обычной манере – не прощаясь – удалился. Что, думаете, Леонардо догнал его и ударил? Ничуть не бывало! Он улыбнулся и сказал, что, когда художники во власти идеи, им наплевать на все правила приличия. А потом анекдот рассказал.

Себастьяно заинтересованно посмотрел на рассказчика:

– Анекдот? Леонардо да Винчи? Никогда бы не подумал, что он способен на такое! Он всегда выглядит таким серьезным.

Ученик кивнул:

– А вот тем не менее. Слушайте. Спросили как-то у одного художника – отчего его картины так прекрасны, а конопатые сопливые дети так неказисты. А он говорит: «Так картины я пишу днем, а детей делаю в потемках...»

– И тогда я понял, что Леонардо да Винчи не просто великий художник и ученый – он еще очень добрый, веселый человек с большим сердцем! А Микеланджело – он, конечно, тоже гений.

«Вот это да! Как легкомысленно он ведет себя! – поразился Себастьяно при виде вбежавшего в мастерскую и сразу же присоединившегося к беседе Рафаэля. Он выглядел юным, красивым и беззаботным, совершенно не походил на знаменитого художника, пользующегося поддержкой Папы. Вдобавок ко всему с ним была девушка, по виду натурщица. Болтая с учениками, Рафаэль то обнимал ее за талию, то нежно щипал за бочок. – Он смеется, тратит время на любовные утехи! В то время как я месяцами не отходил от мольберта, пытаюсь добиться хотя бы намека на прозрачность воздуха с его полотен...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.